

ЧТЕНИЕ – ЗАНЯТИЕ ДУШЕВНОЕ

Урок, на котором воспитывается человек

Евгений Ильин,
учитель литературы, г. Санкт-Петербург

Педагогическая драма нашего времени — «дети не читают книг». Тем самым они исключают из своего образования мощнейший источник знаний. Автор статьи, которую мы вам предлагаем, — учитель-новатор, на уроки которого в 80–90-е годы прошлого века ездили учителя из всех уголков России, а его полуторачасовой творческий вечер в Останкинской телестудии смотрела вся страна. Сегодня он делится опытом взращивания читателя и его духовной человеческой сущности, читателя, способного наслаждаться художественным словом, любящего книгу. И размышляет о роли семьи в этом душевном занятии — чтении.

Многие годы меня как учителя литературы удручает некое высокомерие школы, вежливо игнорирующей опыт семьи и в широком смысле — жизни. Бабушки, тётушки, отцы и матери, по инерции общего мнения, идут за советом к учителю, порой молодому, начинающему. Самому же учителю редкая школа открывает каналы обратной связи с той же самой бабушкой или мамой, нередко более обладающими секретами воздействия на ум и сердце ребёнка ярким, образным словом. Знаменитая няня Пушкина Арина Родионовна или няня Татьяны Лариной были неграмотны, но тем не менее их роль в живой и страстной любви автора и его героини к книге безмерно велика и пока ещё не разгадана. Не учён и опыт матери Некрасова, по признанию самого поэта, пробудившей и спасшей в нём «живую душу», приобщив к литературе. О своей

бабушке, распахнувшей мир поэзии перед ребёнком-сиротой, М. Горький, как известно, рассказал сам. Но осмыслен ли этот рассказ педагогически? Стал ли достоянием школы? Восхищаясь нянями, бабушками, мы, однако, упрямо учимся только у докторов наук, которые, много толкуя о живом, поэтическом слове, сами зачастую бессильны произнести его (особенно в своих научных трудах).

По сути, мы сами обрезаем какой-то важный корень национальной культуры, духовного опыта приобщения к книге, к чтению. Сама книга как эстетическая ценность школой и школьниками в большей или меньшей степени понята и принята, но внутренняя, поэтическая, душевная тяга к ней нередко отсутствует, даже когда книгу читают, шумно спорят о ней, цитируют в сочинениях. Думаю, главная помеха — не в телевизоре, не в техницизме века и дефиците личного времени. Не слишком ли «грамотно», не в пример нашим бабушкам, стали мы обращаться

с художественным словом, полностью перенеся его в стихию аналитического ума, почти никак не затрагивая душевной сферы? А по Выготскому, «ни одна форма поведения не является столь крепкой как связанная с эмоциями... Всегда позаботьтесь о том, чтобы эти реакции оказали эмоциональный след в ученике». Порой радуешься за Горького, чьё детство почти не соприкоснулось со школой. Окажись он в ней и, возможно, навсегда остался бы Пешковым, не подарив человечеству своих замечательных книг. Александр Твардовский, к примеру, не хотел, чтобы «Василия Тёркина» включали в школьную программу. Чудом выживший на войне, его герой мог бы бесславно «погибнуть» в школе. Надо, видимо, обладать здравым смыслом, простотой и мудростью самого Тёркина, чтобы, рассказывая о нём, не убить в школьниках ни слушателей, ни читателей.

Смотрю иной раз на учителей, своих коллег: глаза искрятся, светятся любовью и к книгам, и к детям, а соединить то и другое уроком, на котором рождается читатель и человек, умеют далеко не все. Напуганные на всю жизнь авторитарной установкой — не отрывать содержание от формы! — многие словесники и сейчас только этим и заняты: не оторвать бы, свести бы концы с концами... Это и есть, по их мнению, анализ. Верно. Кабинетный, но не эмоциональный, увлекающий школьников. Спору нет, надо знать самому и дать почувствовать ученикам, насколько содержание художественно оформлено, а форма содержательна. Сказали об этом, почувствовали это ребята — и дальше, дальше: к жизненной основе книги, лишь эпизодически расширяя и углубляя её художественной формой.

Присутствуя на экзаменах, не раз был свидетелем, когда учитель или ассистент останавливал своего питомца фразой: «Это пересказ книги, а нужен анализ, разбор». И школьник, гася румянец вдохновения, скучно и сбивчиво начинал «разбирать». Откровенно говоря, до сих пор не понимаю: почему нельзя пересказывать книгу, радуясь тому, что ты её читал? На пересказе, между прочим, рождается массовый читатель и — оратор. Знаю случаи, когда ребята пересказывали книги, являя изумительные образцы сотворчества, выходя на грань фольклорного сближения с художествен-

ной тканью произведения. У бабушек и матерей, а в общем — у семьи учусь доброте и мудрости не обрывать ребёнка, когда он рассказывает так, как это ему удобнее, проще, радостнее. Рассказанная с охотой и волнением книга рождает потребность в другой, в следующей, ибо чтение — это обретение радости общения, какую ты испытываешь сам и доставляешь другому.

Искренне хочу, и на этот счёт не боюсь нареканий, посоветовать своим коллегам в чём-то уподобиться повару Смурому, с которым судьба свела Алексея Пешкова. Суть даже не в том, чтобы плакать над книгами, которые нам читают, но слушать их так, как слушал Смурый, совершенно необходимо. Даже влюблённый в литературу Алёша, наверное, нашёл бы повод раз другой не открывать по вечерам сундук с книгами, если бы в лице наивного повара не обрёл страстно алчущего слушателя. Великое это искусство — внимать книге, когда она в руках ребёнка! Никаких помех, какими бы высокими, «педагогическими» соображениями они ни были продиктованы, здесь быть не должно. Психология ребёнка однозначна и бесхитростна: ничто не доставляет ему столько восторга, ликования, как возможность по-своему воздействовать на взрослого, подчинить его своему строению. Надо знать эту особенность, когда в юном человеке мы воспитываем читателя. Бабушки, не зная психологии, знали это, мы — учителя, всё зная, не ведаем. Люблю (в интересах школьника) во всём «подчиниться» ему, когда он идёт ко мне с книгой. Спрятав в себе учителя, филолога, литературоведа, я выступаю в неожиданной роли... наивного, до глубины души растроганного повара Смурого...

Навязчивое, тем более нарочитое внимание стимулов не рождает. И нет ничего бесплоднее, чем, поддакивая и подбадривая, вдохновенно глядеть в глаза ребёнку, когда он взмахнёт

о чём-то рассказывает. Главное — слушать и слышать, не себя, а его, школьника. Дети, как опытные психологи, безошибочно угадывают наши мысли и замолкают, когда мы себе интереснее, чем они — нам.

На родительских собраниях непременно спрашивают: как воспитывается читатель в семье? Когда и с чего начинать? Теперь с уверенностью говорю: с сумки, с которой идёшь на работу. Кроме спичек и папирос, губной помады, кошелька, ключей и бутерброда, положите в неё (и делайте это всегда!) какую-нибудь книгу и хорошенько подумайте: какой должна быть закладка? Не слишком ли медленно движется она по страницам? Представьте, что это намного важнее докучливых разговоров о пользе чтения, о том, что книга — друг человека. Если друг, то почему бы ей не оказаться в сумке с домашними ключами, а не стоять уныло на полке? Что из того, если на уроках мы высмеиваем гоголевского «образованного» Манилова, который дальше 14-й страницы прочитать книгу не смог; Липочку из пьесы Островского, для которой важно «появиться» с книгой, не читая её; чеховского Лопухина, засыпающего над книгой, если мать и отец своим повседневным отношением к книге невольно напоминают и Манилова, и Липочку, и Лопухина...

Но вернёмся однако в школу. Поговорим о некоторых приёмах воспитания массового читателя, о том, в какой степени они могут быть использованы семьёй, библиотекой, школьным кружком, клубом. Вряд ли нужно доказывать, что **читающий человек — это мыслящий человек, личность социально активная, способная ускорять духовные процессы общества, созидать нравственную культуру**. Верю в творческий союз семьи и школы и убеждён, что воспитание читателя во многом результат их объединённого опыта. Когда обе стороны целенаправленно взаимодействуют, ни одна не проигрывает! Нынче всякий немножко педагог в том смысле, что учился и постиг кое-какие премудрости. Иногда книга лишь потому и не

прочитана, что просто-напросто её нет или слишком поздно оказалась в руках. Когда ребята приносят на урок тексты, меня интересуют не только закладки, вложенные в книги; не меньше — и семнадцатая страница. Если нет печати, значит, книга своя, домашняя. Но... люблю книги с печатями — круглыми, овальными, треугольными... районных, школьных библиотек. Печать сама по себе — тема разговора. Сам ли школьник достал книгу или ему принесли? То и другое приемлемо, но больше греет душу мамина или отцовская забота. Тогда ещё вопрос: сам попросил или тебя опередили? Один — сам, а другого — опередили. Непременно поговорю с тем, которого опередили. Поинтересуюсь, где и кем работают мама, отец. Только ли приносят книги или, как и мы, учителя, помогают ещё и прочитать, понять их? Вовремя положить книгу на стол — великое дело, а дать её прямо в руки и что-то напутственное молвить при этом — и вовсе прекрасно!

Без обиняков, напрямик выскажу твёрдое убеждение, основанное на опыте: читателя из-под палки не воспитать. Ничто так не убивает художественную книгу, как обязательное чтение. Всякий нажим у большинства тут же рождает уловку — знать, не читая или того хуже: читая, не узнать, т.е. бездумно проскользнуть по страницам. Если книгу непременно должны прочитать все, значит, необходимо найти и «общую» для всех страницу. Страница, как ни парадоксально, здесь важнее книги, ибо с помощью ассоциативных связей ведёт к другой странице, к следующей и дальше — к другой главе, и так — по всей книге. «Страничка» и «связи», соприкоснувшись, по сути, и дают читателя. *Что* увидеть в книге и *как* об этом сказать — наша главная задача. Как, к примеру, покупают творог или мёд на рынке? Иной обойдёт весь ряд и всё перепробует, прежде чем что-то купит. Точно так же и школьник: через отдельную страницу должен «пробовать» книгу, чтобы решить: нужна она ему или нет? Занимательная, интригующая страница...

«Героя нашего времени» однажды начал с эпизода, который и меня самого захватил когда-то. Накануне дуэли с Грушницким Печорин всю ночь (не спал ни минуты!) читает роман Вальтера Скотта «Шотландские пуритане». «Я читал сначала с усилием, потом забылся, увлечённый волшебным вымыслом. Неужели шотландскому барду на том свете не платят за каждую отрадную минуту, которую дарит его книга?» — пишет Печорин. В роковую ночь, предшествующую поединку, ничто, кроме книги, не в силах было унять «тайное беспокойство», овладевшее им. Даже дневник, который Печорин обычно охотно и долго писал, не дарил ему желанного душевного состояния. Мог бы, наверное, состояться и ночной разговор с доктором Вернером (как в «Поединке» между Ромашовым и Назанским) о превратностях судьбы, о её фатальных, непредсказуемых исходах, о человеческом несовершенстве. Но сильный, гордый нрав Печорина, конечно же, отверг это: всё, что мог бы сказать Вернеру, он доверил дневнику. Была и другая возможность: допустим, до утра писать прощальное письмо Верере, перед которой более чем перед кем-либо он виноват. Не исключена и ночная прогулка на своём Черкесе по окрестностям спящего города, прогулка с раздумьями, описанными в «Фаталисте»: «...были некоторые люди премудрые, думавшие, что светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах... Но зато какую силу воли придавала им уверенность, что целое небо со своими бесчисленными жителями на них смотрит с участием, хотя немым, но неизменным!..» Не исключены, видимо, и какие-то иные способы унять тревогу сердца. Тем не менее Печорин коротает ночь — с книгой.

Помню, в классе нашлись охотники вместе с «Героем нашего времени» прочитать и «Шотландских пуритан» — проверить, могли в самом деле увлечь, отвлечь от мыслей о дуэли роман английского классика. Если мог, то чем? В «волшебном вымысле» нет ли созвучного, сопрястного тонкой, поэтической натуре самого Печорина?

Кстати, с дуэлью мы встречаемся в «Онегине», «Выстреле», в «Капитанской дочке», «Отцах и детях», «Воине и мире», «Поединке» и т. д. Как ведут себя герои этих книг

«накануне»? Почему Лермонтову совсем не интересно душевное состояние Грушницкого, а Тургенев лишь отдельными штрихами рисует переживания Базарова? Словом, множество «почему», на которые любопытно ответить, поставив «страницы» уже литературы. Ребятам нравится этот приём: **узлом тематических страниц сближать между собою книги, разом снимать их с полки и класть на стол...** А книга, которая на столе, обязывает! Всегда найдётся повод и желание «шагнуть» вперёд или назад от прочитанной странички.

По-особенному внимателен к книге, в которой один из её персонажей, нередко главных, — сама книга. И об этом «персонаже», пусть иносказательном, метафоричном, не вскользь, а всерьёз, иной раз весь урок мы ведём разговор... Да и как иначе? Если книга в книге не может быть героем, то, простите, как отнестись к книге, которую «разбираем»? Удивляет узость и ограниченность тематики иных наших уроков. Собирабельный образ интеллигенции, солдатской массы во многих рамках — это, конечно, можно, это неплохо. А вот собирабельный образ книги, допустим, в романе «Евгений Онегин» — до этого педагогическая мысль не доходит. А в «Онегине»-то и **впрямь есть этот образ, ещё один лирический герой, истинно пушкинский — книга.** Отнесись мы к нему иначе — мудрее, прозорливее, и о сегодняшней Татьяне, возможно, могли бы сказать то же, что и Пушкин о своей: «Ей рано нравились романы». Вместо этого, увы, напрашиваются строки, характеризующие старушку Ларину:

Она любила Ричардсона,
Не потому, чтобы прочла...
Но в старину княжна Алина,
Её московская кузина,
Твердила часто ей об них...

Чтобы не уподобиться «кузине» и не наплодить информированных,

но не читающих «матушек», хорошо бы на уроках литературы раскрывать образы тех книг, которые в самой книге. Затронуть хотя бы несколько страниц, хотя бы одну строчку. Но даже те из нас, кто создаёт лирический образ книги, вряд ли отважатся (весь урок!) работать всего лишь над одной строфой, рассказывающей, как читал Онегин.

Хранили многие страницы
Отметку резкую ногтей;
.....
Татьяна видит с трепетаньем,
Какою мыслью, замечаньем
Бывал Онегин поражён,
В чём молча соглашался он.
На их полях она встречает
Черты его карандаша.
Везде Онегина душа
Себя невольно выражает
То кратким словом, то крестом,
То вопросительным крючком.

Современный школьник разучился по-онегински читать: «душой», «невольным» порывом сердца откликаться на голос книги. По «чертам карандаша», оставленным на полях, Татьяна, между прочим, многое узнаёт об Онегине, что-то откроется для неё и в ней самой, и в том мире, каким жил её избранник. Читать — себя выражать! — неустанно твержу ребятам, приближая их и к Онегину как герою, и к «Онегину» как к книге. И конечно, к Пушкину — гениальному творцу того и другого — образа и книги. Если чтение в первую очередь и в основном — потребность души, то в школьниках, видимо, и надо воспитывать это условие — душу, ибо **чтение — занятие душевное**. А сама книга — не просто и не только явление литературы, а нечто обособленное, живое, со своим лицом и характером, как и сам читатель.

Главный просчёт уроков литературы — вопиющее нарушение гармонии умственно-го и душевного, сопровождаемое скептическим, порой ироничным и даже циничным

пренебрежением к чувствам. Мы сегодня забыли мудрость русской пословицы: «Имей сердце, а на сердце и разум придёт». Кем-то она отвергнута как анахронизм. Вместе с тем, что на что «приходит» — дилемма вовсе непростая, чтобы легковесно отбрасывать вековой опыт народа, живую практику и школы, и семьи. Неразбуженная, нерастреванная душа мертва к книге (а зачастую и к людям), каким бы сверхшедевром она ни была. Учтём и другое: художественное чтение как непрерывный процесс — основа творческого общения с любой книгой: научной, технической, популярной. Многому предстоит научить ребят: по-онегински *читать*, по-рахметовски *выбирать* книгу, *боготворить* её, как Ниловна, которая, прежде чем завести разговор о книге, зачем-то «чисто вымыла руки». А ещё — по-корчагински *общаться* с нею. Эти герои, о которых идёт речь, выброшены сегодня из школьной программы вместе с этими книгами. А жаль. Современные подростки могут так и не узнать, как у походного костра читал Павка Корчагин красноармейцам «Овода», который не просто лежал в его сумке «типическим явлением», а шагал рядом — живым, созвучным, зовущим его героем. «Дочитав последние страницы, Павел положил книгу на колени и задумчиво смотрел на пламя. Несколько минут никто не проронил ни слова».

Не надо быть психологом, чтобы понять и оценить это молчание, которое, естественно, не бывает и не может быть слишком долгим. Обязательно найдется «соавтор» дочитанной книги. «Я одного парнишку знал», — начинает красноармеец. И книга становится жизнью, которая теперь как бы дописывает книгу, обогащает её. До поздней ночи, подбрасывая в огонь дрова, красноармейцы обсуждали секреты стойкости и мужества, какими удивил и поразил их синьор Риварес по кличке Овод.

Вот так бы и нам учителям-словесникам, дочитав книгу, не шуршать её страницами в поисках изобразительных средств,

а по-корчагински, положив на колени, задумчиво посмотреть вокруг и в себя. А ещё (если это у костра в походе) и на пламя: жёлтыми языками огня оно многое допишет, докажет. Кому, в самом деле, нужна книга, в которой разрушена иллюзия жизненной правды и оставлена лишь художественная ткань? Если это называется «литературным образованием», то, честное слово, лучше уж быть необразованным, как наши бабушки и деды.

Как-то поинтересовался у ребят: много ли на полках у них книг старых, с пожелтевшими страницами, обветшалых?

Не знаю как на других, а на меня совсем по-особому действует много лет пожившая и во многих руках побывавшая, изрядно потрепанная книга. Как от горьковской старухи Изергиль, он её веет чем-то древним и мудрым, тайнами, что надо постичь, пометками, которые хочется разгадать. ...Обычно иду на урок по возможности со старой книгой, — подклеенной, подшитой, словом, реставрированной. Не потому, что жалею новую. Старая — лучше «работает»: в ней больше памяти, теплоты, ума, если хотите. Новые книги — как генералы в парадных мундирах. Старые — как солдаты: «неказисты, щербаты, но зато — воевали...».

Как реликвию храню и берегу свои рабочие книги. Когда-нибудь перечитаю их, не по страницам, которые помню почти наизусть, а по отметкам карандаша. И в памяти всплывут годы, уроки и — лица, лица... Книга, как и мы, должна уставать, стареть. Стеллажи, шкафы, полки, скучно и скученно заполненные книгами, ещё не свидетельство, что владелец — читатель. В этом смысле «полка книг» Татьяны, библиотечка из одной книги Корчагина и небольшой старенький сундук Смурова стоят многих наших (во всю стенку!) полунетронутых домашних библиотек.

...Примечательна одна деталь «Онегина». Ощутив скуку и тоскливое безделье, Евгений

Отрядом книг уставил полку,
Читал, читал, а всё без толку...

Тогда он ещё не был читателем: от скуки им не становятся. И книги здесь неслучайно

представлены безликим «отрядом», «пыльной семьёй». Читателем Онегин становится в седьмой главе романа. Первое, что увидела Татьяна, войдя в его пустынный кабинет, — «стол... и груды книг». Когда я спросил ребят, хотели бы они, подобно Татьяне, порыться в онегинских книгах и кое-что узнать, желающих оказалось в избытке. И тут я понял ещё одну важную особенность в формировании школьника-читателя: любая книга, которую мы даём ему, должна быть с пометками: учителя, родителей, близких, знакомых. Психологически пометка — стимул к чтению. Рождая сопереживание, она вызывает уже как бы двойное, конкурирующее чтение и — потребность в собственной мысли-пометке. Эта потребность тоже по-своему ведёт от страницы к странице. Кто бы ни прикоснулся к книге, пометки неприкосновенны! Пусть, пусть поля обрастут крючками, крестами, словами — метками зримого сотворчества читателя с писателем, читателя с читателем, учителя с классом. Чертами карандаша, кстати, можно не только стимулировать и направлять чтение, но и корректировать личность школьника в учебном и нравственном плане. Пресловутые «зачётки», «опросы» на знание текста, отнимающие столько времени и в итоге дающие обратный эффект, не нужны. За одну-две минуты, а то и меньше, по «чертам карандаша» угадываю всю работу с книгой. А вокруг какого-нибудь «крючка» или «слова» вдруг сама собой родится полемика, а с нею — и новый урок и даже задание: почему именно к этой странице потянулся карандаш?

Мы с ребятами приняли такой неписанный закон: ЧП, если кто-то пастой прикоснётся к книге. Это уже не «черты карандаша», а зарубки. Над такими отметинами не размышляем и во внимание не берём, сколь бы они ни были интересны. Так обойтись с книгой — всё равно что поцарапать гвоздём

новенькую обшивку автобуса, гладкую панель лифта, садовую скамейку... Ещё более царапины несовместимы с самой чувствительной тканью — художественной. Только карандаш! Непременно мягкий, хорошо заточенный — и без нажима, чтобы пометки не стали помарками. Иной раз, словно по забывчивости, оставляю в книге две-три щедро исписанные **воспитательные закладки**, ни единым штрихом не выдающие какой-либо нарочитой дидактики. Закладка моя и для меня — и не «как бы», а на самом деле. Закладки, как и пометки, оказывают не только нравственную, но и учебную помощь, развивая читательский навык, зоркость. Идеальный кабинет литературы мне представляется библиотекой, где на полках в тридцати экземплярах книга, которую предлагает школьная программа.

В каждую, прежде чем они разойдутся по рукам, успею положить две-три закладки и сделать несколько пометок.

С книгой надо работать! Лишь тогда будет желание читать её, а спустя какое-то время — и перечитать.

Иногда школа кажется мне уличным перекрёстком: дороги, устремлённые к нему, от него же и начинаются. Опыт бабушек, отцов, матерей, литературных героев — всех, кто бесхитростно, душевно общается с книгой, становится достоянием школы и тут же находит своё продолжение — в той помощи, какую теперь школа окажет семье в воспитании детской души, в воспитании и человека. **НО**

В ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ ЖУРНАЛА

Презумпция культуры в антропных технологиях проектирования стандартов школьного образования

Станислав Дмитриев, профессор Нижегородского государственного педагогического университета, заслуженный работник физической культуры РФ, доктор педагогических наук,

В образовательной стратегии сегодня доминируют предметно-ориентированный и личностно-ориентированный подходы, направленные на развитие личности школьника средствами учебного предмета. В данной статье обсуждается антропно-деятельностный (социокультурный, гуманитарный) подход, базирующийся на принципе примата культуры в школьном образовании. Мы исходим из того, что деятельность человека — всегда сознательна и социокультурна (осуществляется в обществе); сознание личности — деятельностно и intersubъективно (возникает и существует в сообществе); личность выступает как носитель культуросообразной деятельностной позиции, необходимой для достижения целей образования и развития. Педагогическая концепция, основанная на таком подходе, образует единство сознания и деятельности школьника в социокультурном образовательном процессе.